

Антон Конышев

ДВЕРИ

16+

АНТОН КОНЬШЕВ

Двери

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Коньшев А.

Двери / А. Коньшев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

На что может пойти писатель, чтобы вернуть упорхнувшее вдохновение?
Например, переночевать в заброшенном доме. А потом постараться выбраться из него.

Книгу нужно было сдавать через неделю.

Через неделю будет среда. В этом Андрей легко убедился, вода пальцем по прикрепленному к дверце холодильника календарю. Палец послушно упёрся в две двойки посредине столбика, обозначенного буквами «ср».

– Утя-утя, гуси-лебеди, – задумчиво проговорил Андрей, сдвинув брови к переносице. Сегодня тоже была среда. И через неделю будет.

«Какая-то окружающая среда, – вяло подумалось Андрею, – со всех сторон окружающая».

Книгу нужно было сдавать через неделю. Книга сдаваться не собиралась.

Вместо того чтобы нестись к финалу на всех парах, упиваясь счастьем совершенства и завершённости, она вдруг упёрлась заключительной главой, как рогом, вздыбилась несокрушимым бастионом и вот уже почти полмесяца упорно держала оборону.

Андрей, на которого по собственному определению напала мозговая туча, поначалу полагал сломить сопротивление сходу, исключительно силами авангарда. Но залихватские кавалеристские атаки *a la «сейчас, как сяду и напишу»* каждый раз разбивались о несокрушимое упорство противника и минут через десять-пятнадцать заканчивались бессмысленным разглядыванием небольшой трещинки на экране ноутбука.

Тогда с фанатичной настойчивостью скульптора эпохи Возрождения Андрей принимался впечатывать слово за словом, с натугой и надрывом, напоминая себе приснопамятного бегемота и генерала Ермолова времён покорения горцев. Не помогло.

Потом Андрей решил, что раз ничего не получается на трезвую голову...

И ведь пошло! Писаться стало вдруг легче и быстрее. Первый вариант злополучной главы он набросал часа за четыре, после чего плюхнулся отсыпаться, крайне довольный собой, Эрнестом и Стивеном.

Правда, утром на поверку выяснилось, что на шедевральность в тексте нет ни намёка. И вообще, получилась такая дрянь, что и сжигать-то стыдно.

Иные, предпринятые за минувшую неделю попытки раз за разом заканчивались полным крахом, вгоняя Андрея в тяжёлую меланхолию. Вдохновение легкомысленно витало где-то в эмпиреях, работоспособность ушла в загул, а главный герой вкупе с прочими персонажами недобро косились в сторону автора, явно что-то замышляя.

– Мда, – сказал Андрей в пустоту.

Пустота участливо промолчала.

Робко, сам себя испугавшись, пикинул телефон. Андрей уселся на незастеленный диван, автоматически принялся перелистывать ленту сообщений.

Подвизаясь на ниве мистической и полумистической беллетристики, Андрей волей-неволей стал завсегдаем множества весьма специфических форумов, участники которых и Шамбалу искали, и по катакомбам ползали, и мировой заговор раскрывали с пугающей периодичностью, и вообще были на короткой ноге со всем загадочным, необъяснимым и категорически отрицаемым косной и жалкой официальной наукой.

В нашем случае ожил совсем ещё молоденький форум, где нет-нет да всплывали описания личных впечатлений от посещения старых, заброшенных зданий. Ночных посещений, разумеется.

Форум был местный и, судя по стилистике, сильно молодёжный. По крайней мере ждать от него серьёзных краеведческих материалов было бы наивно.

Поколебавшись пару секунд, Андрей раскрыл ветку.

Некто с оригинальным ником Ghosthunter, не утруждая себя знаками препинания, в доступных ему красках описывал свой визит в старый, ныне заброшенный Кошкин дом.

Из потока путанных и сбивчивых описаний Андрей сделал закономерный вывод, что ничего из ряда вон выходящего с замороженным сталкером той ночью не произошло.

Немного поскрипели половицы, пару раз пошуршали по углам потревоженные мыши да сонный голубь метнулся в разбитое окно на чердаке.

Ссылку на видео Андрей проигнорировал, а вот фотографии, пусть даже тёмные, мутные, на скорую руку выправленные в простеньком графическом редакторе, посмотрел.

На одной, сделанной со стороны проспекта, был сам дом. Снято было вечером, на закате, когда сумерки нарождающейся ночи только начинают стекаться в укромные, скрытые от света засыпающего дня и просыпающихся фонарей места. Сверху казалось, что дом окунался первым этажом в мутное марево собирающегося в низине коктейля из речного тумана и нечистого дыхания города. Крытая металлическими листами бог знает, в какие времена крыша темнела заплатами. Окна с той стороны, что выходила на проспект, как ни странно, тускло поблёскивали, время от времени перехватывая огни городского освещения и проносившихся мимо машин. Тёмными надгробиями торчали покосившиеся печные трубы.

Второй снимок был сделан уже внутри. При дерганом свете вспышки телефонной камеры комната напоминала плохой эскиз к компьютерной игре. Камера успела выхватить четыре окна, действительно с целыми, хоть и заляпанными стёклами, древний массивный стол в углу, потерявший с годами одну ногу, кусок стены с лохмотьями облупившейся краски да арочный проём в темноту.

Похоже на парадную комнату, решил про себя Андрей. Значит, жилая часть дома за проёмом и на втором этаже.

Больше ничего примечательного на снимках разглядеть не удалось. Но становилось понятно, что вряд ли автор сего опуса действительно провёл в доме целую ночь. Скорее всего забрался внутрь, трясясь от страха и возбуждения, быстренько нашёл, что под руку попало, и обратно, к цивилизации.

Андрей отложил телефон.

Дом, несмотря на годы, был статный, основательный. Двухэтажный, полностью каменный – что по тем временам большая редкость – он когда-то принадлежал купцу второй гильдии Тимофею Кошкину и находился в самом начале одноимённой слободы, что располагалась в широкой пологой низине, плавно подступающей к реке.

После революции дом экспроприировали. Купец Кошкин то ли бежал с накопленным добром за границу, то ли канул в царщем тогда хаосе перерождений.

В двадцатые годы из бывшего купеческого дома сделали общежитие для учащегося пролетариата. В тридцатые волею судеб и отчасти по причине удалённости от центра города, дом превратился в городской морг. В период Великой Отечественной стал эвакуогоспиталем за номером тысяча девяносто три. А после Победы на целых два десятилетия снова оказался в роли последнего прибежища.

Время шло. В начале семидесятых город, распухая от предприятий и переселенцев из ближних вымирающих деревень, дополз одним боком и до Кошкинской слободы. Ещё лет через десять морг прикрыли. Зато открыли ветлечебницу. Лучшую, кстати сказать, в городе. Вот тогда-то, а вовсе не сто лет назад, бывший купеческий дом и получил в народе ёмкое, впитавшее все его жизненные перипетии прозвище – Кошкин дом.

Судьба штука бесчувственная. Случись всё иначе, может быть, до сих пор не заросла бы народная тропа в бывшую слободу. Да только году в восемьдесят втором или восемьдесят третьем приключилась жуткая история. Передаваемый от ведомства к ведомству дом за все прошедшие десятилетия так и не получил центрального отопления, и сложенная ещё при строительстве печь исправно служила уже без малого сотню лет. Пока однажды январской ночью не пришла беда.

Морозы в тот год стояли лютые, а в низине можно было смело вычитать ещё градуса три-четыре. Может, вышку рано закрыли, а может, сама печь подвела, но погибли все. Угорели.

Одна душа человечья и с десятков кошачьих и собачьих душ. Человечья принадлежала сторожу – глухонемому, вечно похмеляющемуся старику. А остальные... Так то ж не люди.

Пока суд да дело ветлечебницу прикрыли. А потом и вовсе забросили.

А тем временем рядышком, только руку протяни, вырос новый широкий проспект, огромной подковой огибая слободу и соединяя новые молодёжные микрорайоны с центром. И дом неожиданно оказался в яме, лишь верхушками печных труб, как на цыпочки вставал, дотягиваясь до ограждений тротуаров.

Бывшая когда-то шумной, яркой и многоголосой слобода давно обезлюдела и осела рухлядю чёрных остовов. Как в землю ушла. Поближе к жильцам. Только Кошкин дом одиноко стоял на прежнем месте одинаково не интересный ни новому времени, ни городскому начальству.

Последний раз о нём активно заговорили уже на излёте советской власти, когда актуально стало рассуждать об ужасах тоталитаризма и массовых расстрелах и пытках эпохи Большого террора. Ходили слухи, что-де именно там, в мрачных подвалах дома купца Кошкина, подальше от людских глаз и ушей, кровожадные энкавэдэшники пачками расстреливали врагов народа. Краеведы и обличители разом вострепнулись, предвкушая каждый своё, безуспешно попытались найти те самые подвалы, перешерстили все местные архивы, но ни доказательств, ни опровержений этой жуткой версии не нашли.

Обо всём этот Андрей узнал буквально за пятнадцать минут, наскоро пробежав глазами местные краеведческие сайты. Узнал и призадумался. Посидел, глядя на сказочную лесную избушку с узорными наличниками на окошечках, витыми перилами и гостеприимно распахнутой дверью, что уютно расположилась на рабочем столе его ноутбука. Побарабанил пальцами по столу и решительно поднялся.

К Кошкиному дому он подошёл, когда июльское солнце меняло цвет с тёмно-жёлтого на багряный, прятавшиеся от ночной жары комары начинали робко попискивать, а до полуночи оставалось три с небольшим часа. Автомобильной дороги, даже старой и плохонькой в низину давно не было, и Андрею пришлось расплачиваться с хмурым от недосыпа и отсутствия чаевых таксистом почти за квартал до места назначения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.